

Завоем, сказал пес.

«Книга голосов»

Предисловие

В Португалии, на родине Жозе Сарамаго, выхода романа «[Про]зрение» ждали с огромным нетерпением, чтобы не сказать — с жадностью. Ждали не того самого «[Про]зрения», как новой встречи с прозревшими героями «Слепоты» и обещанного автором скандала. Роман непременно вызовет горячую полемику, заверил Сарамаго, если, конечно, наше общество заснуло не слишком крепко. Издательства тоже внесли свою лепту — напустили соблазнительного туману, и вот — книга вышла... и вскоре раздались обескураженные, чтобы не сказать — обиженные, голоса критиков. Скандала не произошло. Все, кому не лень, сравнивали «[Про]зрение» со «Слепотой» и пеняли автору на сюжет — мог быть и поживее, на интонацию — чересчур иронична, и даже на выбор аудитории — слишком неактивна и политически неграмотна. И вздыхали — нет, это вам не «Слепота».

А год спустя в стране прошли выборы в парламент. И о книге снова заговорили — теперь с изумлением. Роман стали перечитывать в попытке понять, предвидел Жозе Сарамаго такое развитие событий или же сам подсказал его португальцам?

И вдруг увидели: то, что казалось недостатками книги, это, по сути, ее достоинства. «[Про]зрение», конечно, не «Слепота», но неизбежное ее следствие (следствие ведется и в самом романе — как раз в отношении героев «Слепоты»). И некоторая неспешность сюжета компенсируется невероятной, беспощадной ясностью взгляда, как будто весь мир поместился на предметном столе и автор отстраненно и немного насмешливо наблюдает его в микроскоп.

С тех пор не произошло ни единого политического события, которое бы не было полностью или частично описано в «[Про]зрении». И я говорю не о Португалии... Достаточно начать читать книгу, чтобы увидеть — она и про нас тоже.

Александр Богдановский

Да уж, погодка, совсем не для выборов погодка, посетовал председатель участковой избирательной комиссии номер четырнадцать и, с треском закрыв мокрый зонтик, скинул плащ, мало чем помогший ему, впрочем, на сорока одышливой рысцой одолженных метрах от машины до дверей избирательного участка, куда минуту назад он и вошел, отдуваясь. Надеюсь, я не последний, спросил он секретаря. Нет, успокоил тот, попятившись от натекших луж, не хватает еще вашего зама, но мы пока идем по графику. Когда так льет-поливает, и нос-то на улицу высунуть уже есть подвиг беспримерный, заметил председатель, поспешая в так называемое помещение для голосования. Он поздоровался сначала с членами комиссии, которым предстояло выступить в роли счетчиков, потом — с наблюдателями от партий, а потом — со своими помощниками, причем особо постарался ко всем обратить одинаковые слова и ни в коем случае не допустить, чтобы по выражению лица или по голосу можно было бы составить впечатление о его собственных политических взглядах и идеологических устремлениях. Первоприсутствующий — какой ни на есть, пусть хоть

и в избирательной комиссии — обязан во всех ситуациях оставаться совершенно независимым, то есть, иначе выражаясь, соблюдать приличия.

В комнате, обоими своими узкими окнами глядящей в сумрачный внутренний двор, впору было, в соответствии с известным выражением, топор вешать — и не столько от сырой духоты, неизменной даже в солнечные дни, сколько от гнетущей атмосферы тревожного ожидания. Эх, сказал представитель партии центра (ПЦ), по-хорошему бы перенести, конечно, надо было, ведь со вчерашнего дня хлещет без передышки, понятно ведь, такой потоп не только подмоет, да обрушит, да зальет, а и явку избирателей нам снизит. Представитель партии правых (ПП) сперва ограничился было согласным склонением головы, но потом счел, что участие в диалоге следует все же облечь в форму осторожного возражения, и добавил: Не подумайте, будто я склонен к недооценке этой опасности, но однако же полагаю, что дух высокой гражданственности, примеры коей уже не раз подавали наши соотечественники, проявится, будем надеяться, и ныне, ибо они, соотечественники наши, сознают, да-да, сознают со всей непреложностью, сколь велика, сколь судьбоносна роль этих выборов для будущего нашей столицы. Подав свои реплики, представители ПЦ и ПП с видом отчасти скептическим, а отчасти — ироническим повернулись к наблюдателю от партии левых (ПЛ), явно любопытствуя знать, какого рода суждение способен будет он произвести. Но в этот самый миг, отряхиваясь так, что брызги полетели во все стороны, в зал ворвался заместитель предсе-

дателя, встреченный более чем сердечно и тепло, поскольку теперь имелся кворум. И нам с вами, стало быть, не доведется узнать точку зрения представителя ПЛ, хотя, памятуя о предшествующих высказываниях, резонно будет предположить, что уж он-то не упустит возможность изречь что-нибудь этакое, проникнутое историческим оптимизмом, то есть нечто вроде: Приверженцев нашей партии подобными пустяками не запугаешь, не таков, знаете ли, народ наш, чтобы носу на улицу не высунуть из-за того, что с небес слетело четыре несчастные капли. На самом-то деле речь не о каплях, тем более — несчастных, а о струях, потоках, реках, водопадах, однако вера — будь благословенна она ныне и присно и во веки веков — способна не только горы двигать, убирая их с пути тех, кто не остается внакладе от ее могущества, но, как видим, и вывести сих последних сухими из низвергающейся с небес воды.

Итак, все расселись где кому положено, а председатель подписал извещение и приказал секретарю в соответствии с законом прикрепить его на дверях, на что посланный, обнаружив присутствие здравого смысла, заметил, что жизнь объявлению суждена недолгая, самое большее через две минуты растекутся чернила, а через три его сорвет ветер. Повесьте внутри, закон не оговаривает, где оно должно находиться, требуя лишь, чтобы оно было — и было на виду, ответил председатель. Он осведомился у членов комиссии, нет ли возражений, и те заверили, что нет, а представитель ПП предложил во избежание кривотолков особо отметить это в протоколе. Когда, сделав свое мокрое дело, воротился в зал

секретарь, председатель спросил у него, каково, мол, на дворе, и тот, пожав плечами, отвечал в том смысле, что, мол, на дворе все так же, то есть исключительно хреново, да это уж не ново. Хоть бы один избиратель пришел. Ни намека на. Председатель поднялся и пригласил членов комиссии вкупе с наблюдателями обследовать помещение для голосования на предмет присутствия каких-либо элементов, могущих запятнать чистоту политического выбора, который будет свершаться там в течение сего и всего дня. Исполнив эту формальность, члены комиссии вернулись на свои места и изучили списки избирателей, также оказавшиеся свободны от неправильностей, упущений, пробелов и подозрительных подчисток. Затем наступил торжественный момент, когда председатель вскрыл и перевернул урну, чтобы все могли видеть, что она пуста, и в случае необходимости — завтра непреложно засвидетельствовать перед всеми, что в нее под покровом ночи не было преступным образом подброшено сколько-то фальшивых бюллетеней, призванных опорочить свободное и независимое волеизлияние граждан, и что не повторится здесь больше то деяние, которое вошло в историю под звучным наименованием *мухлеж* и — нельзя, никак нельзя забывать об этом — может быть произведено в зависимости от обстоятельств и ловкости исполнителей как до процедуры, так во время и после нее. Урна была пуста, урна была чиста — незапятнанно, — да вот беда, в комнате не было ни одного, ни единого — ну хоть бы для смеха, хоть бы на развод — избирателя, которому можно было бы предъявить эти самые

чистоту и пустоту. Быть может, кто-то идет сейчас, пробивается сквозь ненастье, прыгает через лужи, горбит плечи под хлесткими, как удары бича, струями дождя, прижимает к сердцу документ, удостоверяющий, что он — гражданин, имеющий право избирать и быть избранным, но хляби небесные разверзлись до такой степени, что дойдет он не скоро, если вообще не повернет, фигурально выражаясь, оглобли, предоставив решать судьбу родного города тем, кого черный автомобиль доставит к самым дверям и у самых же дверей по исполнению гражданского долга подберет, примет и удобно устроит на подушках заднего сиденья.

Как предписано законом этой страны, сразу же, немедленно по завершении проверки должны проголосовать председатель комиссии, члены ее и — раз уж такая им досталась доля — наблюдатели от партий. Но как ни тяни время, хватило четырех минут, чтобы в урны упали первые одиннадцать бюллетеней. И далее — что уж тут поделаешь — началось ожидание. Но полчаса не прошло, как беспокойный председатель попросил одного из членов выглянуть да взглянуть — не появились ли избиратели, а то, может быть, и появились, но ткнулись носом в захлопнутую ветром дверь да и пошли прочь, возмущаясь и твердя, что, если выборы отложили, власти могли бы, по крайней мере, оказать населению такую любезность да объявить об этом по радио и по телевидению, раз уж ни на что другое средства эти все равно не годны. Сказал секретарь: Всякий знает, что ветер захлопывает дверь с поистине адским грохотом, а тут ведь ничего не было слышно.

Посланный колебался, идти или нет, но председатель настаивал: Я очень прошу, выгляньте, посмотрите, только смотрите не вымокните. Тот высунул голову и в следующее мгновение втянул ее обратно, но уже в таком виде, словно постоял под душем. Он хотел поступить как порядочный член комиссии, хотел порадовать своего председателя и, будучи впервые призван к этому делу, удостоиться похвалы за быстроту и четкость исполнения и, как знать, может быть, по прошествии времени, в один прекрасный день, по обретении опыта и самому возглавить избирательную комиссию, ибо в небеса провидения взмывают порою и повыше, и это никого не удивляет. Когда же он вернулся, председатель, разом и удрученный, и позабавленный, воскликнул: О господи, да вы же вымокли насквозь. Ничего страшного, отвечал тот, утираясь рукавом. Ну что, видели кого-нибудь. Насколько глаза хватало — никого, на улице — ни души, этакая водяная пустыня. Председатель поднялся, прошелся в нерешительности взад-вперед, заглянул в помещение для голосования и вернулся. Представитель ПЦ взял слово и напомнил свой прогноз о том, что явка избирателей упадет, представитель ПП внес ноту умиротворения и сказал, что впереди еще целый день, а избиратели, надо полагать, пережидают непогоду. Представитель ПЛ предпочел промолчать, сообразив, как глупо будет выглядеть, если облечет в слова мысли, что пришли ему в голову за миг до того, как вернулся посланец председателя: Четыре жалкие капли не способны утратить приверженцев нашей партии. Секретарь, ощутив на себе выжи-

дательные взгляды, решил высказать соображение практическое: Полагаю, нелишне было бы позвонить в министерство и спросить, как проходит голосование здесь и по стране в целом, чтобы узнать, всех ли затронул этот упадок энергии, или мы единственные, кого избиратели достойными не сочли и явкой не почли. Над столом тотчас вознесся в негодовании представитель ПП: Требую немедленно занести в протокол мой решительный протест против недопустимо ернического тона и неприемлемых определений, которые позволил себе господин секретарь в отношении наших избирателей, являющих собой надежнейший оплот демократии, без коего одна из разновидностей многоликой тирании, до сих пор еще существующей в мире, давно бы уже завладела нашей отчизной. Секретарь пожал плечами и осведомился: Господин председатель, вносить это мнение в протокол. Думаю, все же не надо бы, дело того не стоит, все мы взвинчены, взволнованы, встревожены, а в таком смятенном состоянии духа легко произнести то, о чем и не помышляем, и я убежден, что наш секретарь не хотел никого обидеть, ибо он ведь и сам — избиратель, вполне сознающий свой гражданский долг, и лучшее доказательство этому — то, что, как и все мы, находится здесь, и ненастье не помешало ему прийти туда, куда должен был прийти, откликнувшись на призыв этого самого долга, но моя признательность не мешает мне все же попросить его сосредоточиться на неукоснительном исполнении своих служебных обязанностей и впредь воздерживаться от комментариев, которые могли бы задеть личные чувства или

политические убеждения присутствующих. Представитель ПЛ сделал некий знак, который председатель предпочел расценить как знак согласия, так что конфликт не разросся, чему, помимо прочего, очень сильно поспособствовал и представитель ПЦ, напомнивший о предложении секретаря: В самом деле, господа, мы ведь здесь — точно жертвы кораблекрушения, оказавшиеся в океанской пучине без паруса и без компаса, без руля, так сказать, и без ветрил, то есть игралищем слепой стихии. Вы совершенно правы, сказал председатель, сейчас же свяжусь с министерством. На столике в сторонке стоял телефон, и к нему-то направился он, неся врученный ему несколько дней назад листок с инструкциями, где среди прочих полезных сведений имелся и номер министерства внутренних дел. Разговор вышел недолгим. Говорит председатель избирательной комиссии участка номер четырнадцать, сказал председатель, я очень встревожен, происходит нечто очень странное, знаете, до сей минуты ни один человек не пришел голосовать, мы уже с час как открылись — и ни одной живой души, да-да, конечно, это я понимаю, со стихией властям не совладать, дождь, ветер, наводнения, понимаю-понимаю, что ж, мы продолжим терпеливо ждать, на то мы тут и поставлены, это уж само собой, излишне говорить. После этого слова участие председателя в беседе свелось к нескольким утвердительным кивкам, нескольким приглушенным междометиям, хотя, впрочем, раза три-четыре он и начинал фразу, но завершить ее не мог. Положив трубку, председатель обвел взглядом своих товарищей, но на самом деле видел не их, а бесконечную череду пустых комнат,

девственно-чистых регистрационных книг, председателей, наблюдателей, старателей, ой, простите, старательных секретарей, недоверчиво поглядывающих друг на друга, прикидывающих, кто в сложившейся ситуации выиграет, а кто проиграет, и вымокшего до нитки услужливого члена, который возвращается от дверей и докладывает, нет, мол, никого не видно. Что же вам ответили в министерстве, спросил делегат ПЦ. Они пребывают в растерянности, вполне естественно, что в такой ливень многие останутся дома, но как объяснить, почему во всем городе происходит то же, что у нас. И все же — что именно вам сказали, настаивал наблюдатель от ПЛ. Кое-где, на нескольких, очень немногих избирательных участках люди все же появились, но явка неслыханно, небывало низкая. А в целом по стране, спросил представитель ПЛ, льет ведь не только у нас в столице. Вот это и сбивает с толку, дождь дождем, но народ-то идет, голосует, конечно, где погода хорошая, там и явка выше, метеослужба обещает, что к полудню улучшится. Неизвестно, а может быть, и ухудшится, сказал член комиссии, до сих пор не раскрывавший рта. Помолчали. Потом секретарь запустил руку в карман пиджака, выудил оттуда сотовый телефон, набрал номер. И, покуда ждал соединения, сказал: Ну, это вроде как про гору и Магомета, раз уж не можем спросить неведомых нам избирателей, отчего это они не идут избирать, осведомимся хотя бы у родных и близких, алло-алло, да, я, да, ты дома, а чего ж не пошла голосовать, да уж знаю, что дождь, брюки до сих пор по сих пор, до колен то есть мокрые, да-да, извини, забыл, ну да ты говорила, что собираешься после

обеда, да, конечно, я звоню, потому что тут все очень сложно, ты и не представляешь до чего, пока не явился ни один человек, просто не верится, ну, значит, я жду тебя здесь, целую. Он дал отбой и заметил насмешливо: По крайней мере, один голос нам гарантирован, жена придет во второй половине дня. Председатель и прочие члены комиссии переглянулись, и было вполне очевидно, что надо бы последовать примеру секретаря, однако ни один — и даже меньше, чем ни один, — не додумался до этого, и нельзя не признать, что по быстроте соображения и непринужденности исполнения безусловную пальму первенства стяжал секретарь. И член комиссии, ходивший смотреть, сильно ли льет, с полной определенностью понял вдруг, как же далеко еще ему до секретаря, который эдак запросто, не тушуясь, с ловкостью фокусника, за уши достающего из цилиндра кролика, извлек из мобильного телефона голос. И, увидев, что председатель, отойдя в угол, звонит домой и все остальные тоже нажимают заветные кнопки на собственных аппаратах и что-то интимно шепчут в них, член не мог не оценить в полной мере честности своих коллег, из коих никто не воспользовался обычным телефоном, стоявшим в комнате, но предназначенным для служебных надобностей, то есть сэкономил государственные средства. И только наблюдатель от ПЛ оказался без сотового телефона и, следовательно, должен был смиренно дожидаться новостей от коллег, причем надо еще добавить, что семья его оставалась в провинции, так что и звонить-то бедолаге было некому. Один за другим смолкали разговоры, и дольше всех говорил председатель, который, по всей видимости, тре-

бовал от собеседника прийти немедленно, поглядим еще, чем все это кончится, но, как бы то ни было, ему полагалось бы позвонить первым, а если секретарь решил обойти его, что ж, на здоровье, теперь хоть будем знать, с кем дело имеем, с такими живчиками надо держать ухо востро, а если бы понимал суть субординации, то просто бы подал мысль начальству, а не забегал вперед. Председатель вздохом облегчил теснившую грудь досаду, сунул телефон в карман и спросил: Ну что, узнали что-нибудь. Вопрос этот, мало того что излишний, был еще малость и некорректен, потому, прежде всего, что люди всегда что-нибудь да знают, даже если это знание им, как говорится, ни к какому месту, а во-вторых, потому, что стало вполне очевидно — председатель использует свои должностные полномочия, чтобы уклониться от долга своего, предписывающего ему полногласно и самолично объявить о начале обмена сведениями. И нам, еще не позабывшим горчайший вздох, прервавший его речи, и требовательный тон, в них сквозивший, резонно будет предположить, что разговор — предположительно с кем-то из домоладцев — не был безмятежно информативным в той степени, чтобы стать достойным интереса, проявленного им как сознательным гражданином и должностным лицом, и что он, утерев спокойствие, столь необходимое, чтобы блистать в жанре искрометных импровизаций, спасовал перед трудностями и предложил высказываться своим подчиненным, что, впрочем, как опять же все мы знаем, можно расценить как новую, более современную манеру начальствовать и руководить. А то, что сообщили члены

комиссии и наблюдатели от партий, за исключением представителя ПЛ, которому за невозможностью сказать что-либо приходилось лишь слушать, сводилось к тому, что все родственники, опасаясь вымокнуть до нитки, ожидают улучшения погоды, либо — как супруга секретаря — намерены прийти проголосовать ближе к вечеру. По лицу же члена комиссии, не так давно посланного на разведку, разлилось выражение довольства, присущее тому, у кого есть основания гордиться своими достоинствами, а при переводе его в слова означает: У меня дома никто не отвечает, надо полагать, они уже в пути. Председатель занял свое место, и ожидание возобновилось.

И минул почти целый час, прежде чем появился первый избиратель. Вопреки всеобщим ожиданиям и к вящему разочарованию дозорного у дверей, им оказался человек никому не известный. Зонтик, с которого струилась вода, он оставил при входе и, одетый блистающим пластиком плаща, обутый пластиковыми же ботами, приблизился к столу. Председатель с улыбкой поднялся ему навстречу, считая, что избиратель — а им оказался пожилой, но еще крепкий мужчина — ознаменует собой возвращение к нормальной жизни, к обычной и привычной веренице законопослушных граждан, степенно, без суеты и спешки подвигающихся друг за другом, отчетливо сознающих, как метко выразился наблюдатель от ПП, судьбоносную важность этих муниципальных выборов. Потом принял из рук избирателя удостоверение личности и карточку и подрагивающим от счастливого волнения голосом прочел ее номер и имя владельца, члены комиссии, ответ-

ственные за эту часть работы, порылись в регистрационных книгах, повторили, найдя, имя и номер, поставили в нужной клеточке должную галочку, после чего избиратель, по-прежнему обильно кропя пол дождевой влагой, направился с бюллетенем в руке в кабинку для голосования, вскоре вернулся оттуда с ним же, сложенным вчетверо, вручил его председателю, торжественно опустившему его в урну, и удалился, зонтик не позабыв. Второй избиратель возник через десять минут, а уж после него с неторопливой размеренностью капель из пипетки или осенних листьев, вяло слетающих с ветвей, стали падать в урну бюллетени. Как ни тянули председатель и члены с регистрацией и прочими формальностями, столпотворения или хоть наплыва людей никак не получалось — от силы три-четыре человека ожидали своей очереди, хотя явления, достойного называться очередью, три-четыре человека при всем желании образовать никак не могут. Прав, прав я оказался, заметил наблюдатель от ПЦ, катастрофически низкая явка, вернее — массовый отказ от участия, совершенно непонятно, в чем дело, и единственный выход — повторные выборы. Может быть, все-таки развиднеется, сказал председатель и, поглядев на часы, прошептал как молитву: Скоро уже полдень. В тот же миг решительно поднялся тот член комиссии, которого мы окрестили дозорным: Если разрешите, господин председатель, народу все равно сейчас нет, я бы выглянул да узнал, какая там погода. И уже через мгновение, вот уж точно, одна нога здесь, другая там, вернулся с благой вестью, ликующе сообщил: Дождь утихает, совсем почти перестал, и небо кое-где очистилось.

Самой чуточки не хватило, чтобы члены комиссии и наблюдатели от партий кинулись друг другу в объятия, но радость их, впрочем, оказалась недолгой. Монотонная и редкая капля избирателей продолжалась — вот один пришел, вот другой, вот жена, мать и тетка дозорного члена, вот старший брат представителя ПП, вот председателява теща, которая, обнаруживая полнейшее неуважение к церемонии выборов, известила растерявшегося зятя, что жена его появится только к вечеру: Говорит, в кино собралась, добавила она мстительно. Пришли родители заместителя, пришли и прочие, не связанные с членами комиссии узами родства, безразлично входили они, равнодушно выходили, и разве что чуть-чуть сделалось повеселее, когда появились два политика из ПП, а минутой спустя — некто из ПЦ, и телевизионная камера, возникшая откуда ни возьмись, сняла их и вновь канула в никуда, а журналист попросил разрешения задать вопрос: Как идет голосование, на который председатель ответил: Да могло бы и лучше, но сейчас, когда погода начинает меняться, мы уверены, что явка повысится. После посещения еще нескольких избирательных участков создалось впечатление, что отказ от голосования принял на этот раз очень массовый характер, заметил журналист. Я гляжу в будущее с оптимизмом и нахожу прямую связь между метеоусловиями и механизмом волеизъявления, и, если только не будет дождя, мы к вечеру обретем все, чего лишила нас утренняя непогода. Журналист остался доволен, смекнув, что эта звонкая фраза может стать подзаголовком репортажа. Меж тем настало время утолить голод, так что члены избирательной комис-

сии и наблюдатели от партий организовались так, чтобы прямо на месте, не теряя из виду регистрационные книги, воздать должное сэндвичам.

Дождь перестал, но не было решительно никаких признаков того, что гражданственные надежды председателя, хоть в какой-то мере оправдавшись, увенчаются содержимым урны, где бюллетени покуда едва-едва покрывали дно. Все присутствующие размышляли об одном и том же, а именно — что выборы сорваны, а это есть ужасающее политическое фиаско. Время шло. Половину четвертого возвестили куранты с ближней колокольни, когда в помещение для голосования вошла жена секретаря. В сдержанной и скромной улыбке, которой обменялись супруги, чувствовался определенный, хотя и трудно поддающийся определению оттенок общности, отчего у председателя где-то в организме возникло неприятное ощущение, похожее, быть может, на спазм зависти оттого, что ему такое не светит, его такое не греет. Еще продолжало что-то свербеть в самой глубине его нутра или в каком-то закоулке души, когда полчаса спустя он, взглянув на часы, спросил себя, а точно ли в кино отправилась его жена. Явится сюда, если явится, в последний час, в последнюю минуту, подумал он. Существует множество способов заклинать судьбу, и почти все они никуда не годятся, но этот вот — предполагать самое скверное, надеясь на лучшее, — пусть и принадлежит к числу самых незатейливо-расхожих, все же достоин внимания, но в данном конкретном случае плодов не даст, ибо нам из абсолютно надежного, заслуживающего всяческого и безусловного доверия источника известно, что жена председателя

избирательной комиссии в самом деле сидит в кино, а вот пойдет ли голосовать, она в настоящий, по крайней мере, момент вообще еще не решила. По счастью, та самая, пресловутая и столь желанная необходимость в равновесии, что не дает мирозданию выбиться из колеи, а небесным телам велит двигаться по предначертанным траекториям, определяет, что если с одного боку убавилось, с другого тотчас должно прибавиться нечто подобное, более или менее подходящее, того же качества, в той же пропорции, чтобы не копились жалобы на разное обращение и двойные стандарты. Потому что никак иначе не уяснить, по какой такой причине ровно в четыре часа, то есть именно не рано и не поздно, ни рыба ни мясо, избиратели, дотоле смиренно сидевшие по своим пенатам и, казалось бы, совершенно открыто пренебрегавшие своим гражданским долгом, вдруг повысыпали наружу и — кто своими силами, кто при благодетельном содействии пожарников и волонтеров гражданской обороны, ибо улицы были затоплены и непроходимы, — на своих двоих, в инвалидных креслах, на носилках, в каретах «скорой помощи» хлынули на соответствующие избирательные участки, подобно тому как, не ведая иного пути, устремляются к морю реки¹. Скептикам, или же просто людям недоверчивым, или тем, кто согласен верить в чудеса лишь при условии, что из них удастся извлечь для себя какую-нибудь выгоду и пользу, наверняка покажется, что вышеупомянутая

---

¹ Аллюзия на строчку стихотворения Луиса де Камоэнса (1524/1525–1580), «Колокола сзывали в божий храм, // И люди шли, как реки льются в море» (перевод В. Левика). — *Здесь и далее примеч. перев.*

необходимость равновесия решительно опровергается и дискредитируется новооткрывшимся обстоятельством, а надуманное сомнение в том, пойдут ли жена председателя голосовать или не пойдут, с космической точки зрения слишком незначительно, чтобы в одном из множества городов, рассеянных по лицу земли, можно было компенсировать его неожиданным передвижением тысяч и тысяч людей всех возрастов и социальных положений, если только люди эти предварительно не пришли к соглашению, не устранили свои политические и идеологические различия и не решили наконец единодушно выйти из дому и проголосовать. Но рассуждающие так забывают, что вселенная не только управляется по своим законам, чуждым противоречивым мечтаниям и помыслам человеческим, для характеристики коих не хватает у нас ни духу, ни пороку, да и слов приличных тоже нет, но и — это мы уже опять про вселенную — использует их, законы эти, в целях, нам неведомых, разумению нашему вовеки непостижимых, а если в сем, сугубо данном случае возникнет вопиющая диспропорция между тем, что может — пока всего лишь может — быть исхищено из урны, ну, то есть между одним-единственным голосом гипотетически неприятной жены председателя и разливанным морем мужчин и женщин, уже пустившихся в путь, то нам, ей-богу, трудно усмотреть в таком распределении самую элементарную справедливость, а потому будет лучше или хотя бы благоразумнее отложить окончательное суждение и с пытливым вниманием проследить за тем, как разворачиваются события, сейчас находящиеся лишь

при самом своем начале. То есть последовать примеру объятых горячкой профессионального воодушевления и неумным зудом познания журналистов пишущих, говорящих и показывающих, которые металась из стороны в сторону, подсовывали гражданам микро- и диктофоны под самый нос, спрашивали: Что побудило вас в четыре часа выйти из дому и отправиться на избирательный пункт и не удивило ли вас такое множество людей, оказавшихся на улице одновременно, и слышали в ответ сухое или даже неприязненное: Я наметил себе это время, или: Я свободный человек, когда хочу, тогда и выхожу и отчета в своих поступках никому давать не обязан, или: Сколько вам платят за эти дурацкие вопросы, или: Кому какое дело, в котором часу я вышел из дому, или: В каком законе сказано, что я должен отвечать на подобное, или: Буду говорить только в присутствии моего адвоката. Впрочем, были и те, кто отвечал учтиво, без агрессивной язвительности, примеры которой мы привели чуть выше, но и они, не в силах утолить всепожирающее любопытство репортеров, пожимали плечами и ограничивались: Глубоко уважаю вашу работу, очень бы хотел быть вам полезным и помочь распространению хорошей новости, однако, к величайшему сожалению, могу лишь сказать, что взглянул на часы, увидел, что уже четыре, и позвал семейство: Пойдемте, сейчас или никогда. Сейчас или никогда — в каком смысле. Да, вот в том-то и вопрос, сами собой сказались эти слова. Ну, подумайте хорошенько, раскиньте умом. Да нет, не стоит, спросите лучше еще кого-нибудь. Я опросил уже пять-

десять человек. И что же. Никто не может сказать. Ну что ж поделать. Но вам не кажется странным такое совпадение — тысячи людей, не сговариваясь, в один и тот же час отправились голосовать. Да что тут скажешь, и странное, конечно, и совпадение, а может быть, ни то ни другое. Это почему же. Ах, вот уж чего не знаю. Внезапно очнулись от столбняка, куда было вогнали их более чем печальные перспективы нынешних выборов, телекомментаторы, следившие за избирательным процессом и в отсутствие точных данных, которые можно было бы оценить, гадавшие о воле богов на кофейной гуще, по птичьему полету и помету и жалевшие, что уж нельзя, как древле, открывать тайны судьбы и времени по еще трепещущим внутренностям животных, сию минуту принесенных в жертву, и, явно считая ниже своего достоинства и недостойным ответственной просветительской миссии толковать о совпадениях, всем скопом, волчьей стаей набросились на пример необыкновенной гражданственности, поданный всей прочей стране населением столицы, которая в едином порыве ринулась к урнам в тот миг, когда замаячивший призрак неслыханного, небывалого в истории нашей демократии срыва и провала избирательной кампании стал всерьез угрожать не только стабильности режима, но и — что было неизмеримо опасней — всей системе. Официальное заявление министерства внутренних дел подобных страхов нагнетать не стало, но в каждой строчке явственно сквозило облегчение, испытанное властями. Что же касается трех политических партий, значившихся в избирательных списках —

ПП, ПЛ и ПЦ, — то они, наскоро прикинув, каких прибылей и проторей следует ждать от столь неожиданного метания своих сограждан, выпустили поздравительные декларации, где среди прочих стилистических кренделей с завитушками уверялось, что, кто бы ни победил, победит демократия. В том же духе — плюс-минус запятая — высказались сперва глава государства, а за ним — глава правительства, усевшиеся каждый в своей резиденции на фоне государственного флага. К избирательным участкам тянулись, виднеясь, насколько глаз хватал, и теряясь из виду в глубине квартала, длиннейшие вереницы граждан.

Как и остальные главы избирательных комиссий, председатель четырнадцатой ясно сознавал, что переживает уникальный исторический момент. Когда уже поздним вечером, после того как министерство продлило срок голосования на два часа, а потом прибавило еще тридцать минут, чтобы успели выполнить свой гражданский долг все толпящиеся на избирательных участках, и гора бюллетеней, вываленная из двух урн — вторую пришлось в пожарном порядке затребовать в министерстве, — выросла перед голодными и измученными членами комиссии и наблюдателями, те содрогнулись от грандиозности задачи, предстоявшей им и смело могущей называться титанической, как если бы зов отчизны магически материализовался в груди этих листков. Один из них опустила в урну жена председателя. Неведомая сила заставила ее выйти из кинотеатра, провести несколько часов в очереди, подвигавшейся с медлительностью улитки, предстать наконец перед мужем и, услышав, как он произносит ее имя,

ощутить в сердце нечто похожее на тень давнего счастья, да, не более чем тень, но все равно она подумала, что поступила правильно, придя сюда. Подсчет голосов завершился за полночь. Количество заполненных бюллетеней не превысило двадцати пяти процентов, из коих тринадцать было подано за ПП, девять — за ПЦ, а два с половиной процента — за ПЛ. Ничтожно мало оказалось испорченных, ничтожно мало — недействительных. Все прочие, то есть семьдесят пять процентов, остались чисты и пусты.

Растерянность, растерянность, смешанная с ошеломлением и приправленная жгучей насмешкой растерянность прокатилась тогда по стране из конца в конец. Провинциальные муниципалитеты, где выборы прошли без происшествий и непредвиденных сложностей, если не считать незначительных задержек, вызванных плохой погодой, и где результаты голосования ничем не отличались от обычных и всегдашних — сколько-то тех, кто неизменно приходит на выборы, сколько-то — столь же твердокаменно отказывающихся принимать в них участие, сколько-то бюллетеней испорченных и недействительных, — так вот, говорю, провинция, которая так часто бывала публично унижена торжествующим центром, пыжившимся перед всей страной и строившим из себя идеал и высокий образец истинной выборной демократии, могла теперь вернуть оплеуху по принадлежности и поржать над этими господами, с туповатым упорством считающими, что ухватили бога за бороду по той лишь причине, что волей случая оказались столичными жителями. Слова *эти господа*, произносимые так,

что губы при каждом слоге, если не на каждом звуке, искривляло презрением, относились, впрочем, не к тем, кто, просидев дома до четырех часов, вдруг подхватился и, будто во исполнение однозначного приказа, со всех ног пустился голос свой совать в урну, — но к правительству, раньше времени вывесившему стяги-флаги, и к партиям, уже взявшимся за пустые бюллетени, словно те были ожидающими рачительных рук виноградарями, а сами они — виноградарями, и к газетам вкупе с прочими средствами массовой деформации, которые поволокли кидать с тарпейской скалы¹ тех, кому еще недавно рукоплескали в капитолии, с такой чарующей легкостью, словно сами не сыграли в подготовке катастрофы весьма заметную роль.

Что ж, признаем, для провинциального брюзжания резоны имелись, хоть и не такие веские, как представлялось брюзгам. Из-под политической сумятицы, которая охватила столицу, подобно пламени, несущемуся по запальному шнуру к заряду, проглядывает беспокойство, хотя его, как ныне принято говорить, озвучивают, то — лишь разбившись на парочки, обыватель — с женой, партия — со своим аппаратом, а правительство — само с собой. Что же будет на повторных выборах, вот вопрос, который звучит негромко, сдержанно, не столько задушевно, сколько придушенно, как бы по секрету, словно из опасения разбудить спящего дракона. Одни полагают, что лучше всего было бы не щекотать его меж

---

¹ *Тарпейская скала* — отвесный утес с западной стороны Капитолийского холма, с которого в Древнем Риме сбрасывали осужденных на смерть государственных преступников.